

УДК 911.3

**СОВРЕМЕННЫЕ
ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ЕВРОСОЮЗА
И МИГРАЦИОННЫЙ
КРИЗИС 2010-Х ГОДОВ**

В. Л. Мартынов*
И. Е. Сазонова*

Цель статьи — показать влияние миграционного кризиса 2010-х годов на демографическое развитие Европейского союза. Основные методы — статистический и картографический. Утверждается, что в демографическом развитии государств Европейского союза не прослеживается четкой зависимости ни от социально-экономических показателей, ни от религиозных, языковых, культурных (цивилизационных) различий. Миграционный приток населения сильно различается по разным странам и регионам Евросоюза. Анализируются основные маршруты нелегальной миграции, показывается, что их использование не всегда может быть объяснено с применением традиционных демографических подходов. Различается также и доля мигрантов по странам Европейского союза, но система их расселения при этом сходна. Мусульманское население, даже проживая в стране прибытия на протяжении десятков лет (турки в Германии), крайне слабо интегрируются в местное общество и воздействуют на него. Усиливается демографическая мозаичность Европейского союза, которая делает практически бессмысленной деятельность по прогнозированию демографических процессов на уровне государств. Но на уровне локальных общностей такой прогноз не только возможен, но и необходим. Все это приводит к усилению потребности в геодемографических исследованиях.

Ключевые слова: миграционный кризис, численность населения, маршруты нелегальной миграции, мусульманское население Евросоюза, зоны «ноу-гоу», геодемография

Введение

Одним из главных вопросов мировой политики в 2015—2016 годах стала «проблема беженцев», направ-

* Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
191186, Россия, Санкт-Петербург,
Набережная реки Мойки, 48.

Поступила в редакцию 18.05.2016 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2017-1-6

© Мартынов В. Л., Сазонова И. Е., 2017

лявшихся из стран Ближнего и Среднего Востока в государства Европейского союза. Данная тема с разных точек зрения рассматривалась практически во всех средствах массовой информации, политологических, социологических и прочих исследованиях, проводившихся буквально «по горячим следам». Рефреном большинства как публикаций, так и исследований было утверждение о том, что нынешний поток беженцев коренным образом изменит Европу, поскольку уровень рождаемости в азиатских странах намного выше, чем в европейских, что крайне негативным образом скажется на развитии «единой Европы». Следует отметить, что такого рода проблемы имеют существенное значение и для современной России.

Основные тенденции изменения численности населения Евросоюза

Для того чтобы понять, насколько нелегальные мигранты 2015 года могут повлиять на геодемографическое развитие, следует, очевидно, обратиться к сведениям не только о том, сколько их и каковы они, но и к данным о том, что представляет население нынешнего Евросоюза, выявить основные процессы его количественной и качественной трансформации. Безусловно, проблема миграции в Евросоюз в целом и нелегальной миграции в частности неоднократно привлекала внимание исследователей, статьи которых публиковались в том числе и в географических журналах (см.: [12; 14]. К числу последних работ по этой теме можно отнести статью Д. В. Житина, А. А. Краснова и А. В. Шендрика «Миграционные связи Европы: пространственно-временные трансформации», вышедшую весной 2016 года [10].

Самый простой показатель, характеризующий особенности демографического развития любой страны, региона и т. д., — динамика численности населения. В пределах Европейского союза (ЕС-28) по состоянию на 1 января 2015 года проживало примерно 508,5 млн чел. Это почти на полтора миллиона человек больше, чем на начало 2014 года, а за десять лет (2005—2015 годы) численность населения Европейского союза выросла на 14 млн чел. (по состоянию на 1 января 2005 года — 494,5 млн чел.) [25]. Очевидно, что численность населения Европейского союза не только весьма велика, но и продолжает расти, пусть и медленными темпами (примерно 0,03 % в год). Но последние годы дают некоторое ускорение темпов роста: если в 1994—2014 годах ежегодный прирост численности населения нынешнего ЕС составлял 1,3 млн человек в год, то как за 2013-й, так и за 2014 год численность населения ЕС возросла на 1,7 млн чел. [21, р. 4].

Возникает вопрос — каковы составляющие этого роста? Основу роста численности населения ЕС в 2013 году составило механическое движение населения — доля внешней миграции в общем объеме прироста населения составила примерно 95 % [21, р. 4].

До начала 90-х годов естественный прирост в целом по ЕС-28 превосходил миграционный, в 1991 году механический прирост впервые превысил естественный, и к 2003 году его доля составила 95 % общего

прироста численности населения. Затем на протяжении 2003—2009 годов происходило снижение доли механического прироста, и соответственно, рост доли естественного, в 2009 году доля естественного прироста достигла 43%, механического, следовательно, — 57%. И с этого показателя доля механического прироста вновь начала расти [21, р. 4]. В 2014 году доля естественного прироста в общем росте численности населения по Европейскому союзу была 14,5%, механического — 85,5% [23, р. 20].

Если снижение доли механического прироста 2003—2009 годах вполне объяснимо, особенно к концу этого периода (финансовый кризис 2008 года), то рост доли естественного прироста однозначного объяснения не имеет. Авторами данной статьи увеличение естественного прироста в эти годы было выявлено на примере Польши, Чехии и Словакии [7; 8] и названо «евробеббизум», поскольку по времени оно совпало с первыми годами членства этих государств в Европейском союзе.

В целом демографическую обстановку в постиндустриальном обществе можно определить как пятую стадию демографического перехода. Характерными чертами этой стадии, отличающими ее от предыдущей четвертой, стал некоторый рост рождаемости в условиях стабильного сложившегося «сытого» общества. Рождаемость на этой стадии может возрасти просто «от хорошей жизни», если можно так выразиться.

Условия жизни, в частности женщин, позволяют рожать и воспитывать более чем одного ребенка без ущерба карьере и положению в обществе (няни, свободный график работы, удаленная работа из дома). В таких условиях повышается ценность семьи. Женщины за многие годы эмансипации уже достигли определенного положения в обществе, уже не борются за свои права, имеют хорошее образование, профессию, должность и могут позволить себе воспитывать несколько и даже много детей, ненадолго прервав или продолжая работать. Как правило, возраст женщин, рожаящих детей на этой стадии, выше, чем на предыдущих.

В геодемографическом отношении практически не проявляются так называемые цивилизационные различия. Как утверждает Г. М. Федоров, описывая методику отнесения стран и территорий к той или иной цивилизационной группе, «в качестве первого типологического признака мы рассматриваем религию, второй признак — языковая общность (язык, языковая группа, языковая семья), третий — историческая (пребывание в течение продолжительного времени в составе одного государства или в качестве его колонии)» [16, с. 67]. Трудно сказать с полной определенностью, что весь набор этих признаков или какие-то из них по отдельности проявляются в геодемографии современной «единой Европы».

Самым благоприятным соотношением естественного и механического прироста в 2011—2014 годах из стран ЕС характеризовалась католическая славянская Словения, естественный прирост в которой в 2011 году в 1,6 раза превышал механический, а в 2013 году — более чем в 4 раза (по: [21, р. 7]). Какова нынешняя ситуация в этой стране,

трудно сказать, поскольку во второй половине 2015 года через нее проходил один из главных маршрутов перемещения беженцев из Греции в основную часть Евросоюза.

Для стран на окраинах ЕС свойственно сочетание естественной убыли и механического оттока. Эти государства совершенно несходны между собой в «цивилизационном» отношении. Это, например, католическая романоязычная Португалия, протестанско-православная Латвия, где большая часть населения говорит на двух языках — латышском и русском, романоязычная православная Румыния, славянская католическая (в результате геноцида сербов в 90-е годы православного населения здесь осталось очень мало) Хорватия, православная Греция, язык которой ни с каким другим индоевропейским языком не сходен.

Для «старых» стран Евросоюза, с которых начиналась это «надгосударство», свойственно большое разнообразие сочетаний показателей естественного и механического движения населения. Так, например, Бельгия и Нидерланды, в «обыденном» восприятии кажущиеся едва ли не вымирающими странами, характеризуются хотя и небольшим, но вполне устойчивым естественным приростом населения. По состоянию на 2013 год естественный прирост населения католической двуязычной (романоязычные валлоны и германоязычные фламандцы) Бельгии несколько уступал механическому (естественный прирост — 1,5%, механический — 2,3%), а германоязычных протестантских Нидерландах естественный прирост превышал механический (1,8% и 1,2%).

В Германии, самой крупной по численности населения стране Евросоюза и единственной, состоящей из протестантской (северной) и католической (южной) частей, естественная убыль сочеталась с миграционным приростом (–2,6% и 5,6%) [21, р. 4]. Более того, данные по естественному движению населения по землям Германии также не дают оснований говорить о зависимости уровня рождаемости от религиозной принадлежности населения. В 2013 году естественный прирост отмечался в двух городах — Берлине и Гамбурге (0,7 и 0,5%). Оба расположены в северной протестантской части Германии. Но в еще одном северогерманском городе — Бремене — отмечалась естественная убыль населения в 3,3%. В южной, католической, части Германии также наблюдалась естественная убыль, хотя и меньшая, чем в северной. Для Баварии показатель естественной убыли составил — 1,4%. Естественная убыль (–3,1%) отмечалась и в федеральной земле Северный Рейн — Вестфалия, характеризующейся повышенной долей мусульманского (преимущественно турецкого) населения. Разрыв между землями Германии по уровню рождаемости в 2013 году был в 1,5 раза (максимум — 10,4% в Гамбурге, минимум 6,9% в Сааре), по уровню смертности в 1,4 раза (минимальная — 9,6% в Берлине и Баден-Вюртемберге, максимальная — 13,9% в Саксонии-Ангальт) (по: [26, s. 34]).

В распределении более-менее благополучных в демографическом отношении регионов Германии очень трудно выявить существенную зависимость от религиозного, а тем более языкового состава населения (не рассматривать же всерьез влияние на рождаемость верхне- или

нижненемецких диалектов), природных и социально-экономических условий. Намного более существенными, на наш взгляд, являются трудно- или совсем не «улавливаемые» статистикой факторы и условия жизни людей в конкретных географических условиях, зачастую вообще не имеющие какого-либо количественного выражения. Это «состояние умов» в локальных или региональных сообществах, формируемое информационными потоками, поступающими как извне этих сообществ, так и формируемыми внутри. Такие информационные потоки могут отражать действительности и как обычные, и как кривые зеркала. Поскольку потоки информации не только отражают состояние общества, но и формируют его, то состояние этих потоков самым непосредственным образом сказывается на развитии общества, в том числе и геодемографическом.

Примеры государств «срединной Европы», приведенные выше, показывают, что религиозная и языковая принадлежность населения, исторические особенности государств и регионов если и оказывают влияние на современные геодемографические процессы в Евросоюзе, то очень небольшое. Более того, сам фактор религиозной принадлежности в странах Евросоюза постоянно и устойчиво сокращается, причем особенно активно этот процесс стал происходить в первые годы XXI века [1]. Этот процесс можно оценить скорее отрицательно, поскольку духовная основа нынешней Европы, собственно ее и создавшая, — это христианство. К сожалению, сейчас можно отметить, что дехристианизация Евросоюза, проявляющаяся в том числе и в репродуктивном поведении, идет весьма активно. Соответственно, размывается разница в этом отношении между католической и протестантской его частями. Православная часть ЕС-28 (Греция, Болгария, Румыния и Кипр), где приверженность населения христианским ценностям в целом выше, чем в католических и тем более протестантских странах, слишком мала и выдержать натиск дехристианизации явно не сможет.

Нелегальная миграция в Евросоюз: особенности последних лет

До массового «нашествия» беженцев из стран Ближнего и Среднего Востока государства Евросоюза характеризовались существенным различиями притока населения извне. По данным 2013 года, положительное сальдо миграционного баланса в целом по ЕС составило 1627,7 тыс. чел., из которых 72,7% (1183,9 тыс. чел.) приходилось на Италию (первая волна беженцев из Северной Африки, главным образом Ливии). До этого времени мигранты для Италии совершенно не были характерны, основной миграционный поток в пределы ЕС направлялся во Францию (выходцы из бывших французских колоний), Великобританию (выходцы из бывших британских колоний) и Германию (гастарбайтеры в основном из Турции).

Нынешняя (2015 года) волна беженцев «накрыла» в первую очередь Грецию. С подобным притоком мигрантов эта страна сталкивалась в первой половине 20-х годов XX века, когда после поражения Греции в

войне с кемалистской Турцией в Грецию было переселено примерно 1,5 млн греков. Тогда это привело к долговременному кризису греческого государства, который продолжался несколько десятков лет, до середины 70-х годов (свержение «черных полковников»).

Однако целью беженцев 2015 года стала не Греция, а Евросоюз в целом. Нынешние переселенцы, насколько можно судить по сообщениям СМИ, не намерены на долгое время оставаться, а тем более осесть в Греции, хотя какая-то их часть неизбежно останется в этой стране. В масштабах же Евросоюза механический приток в миллион человек не столь велик. Необычность ситуации заключается, главным образом, в том в высоком уровне концентрации этого потока как во времени (большая его части приходится на вторую половину 2015 года), так и в пространстве (основная часть беженцев высаживалась на греческих островах Эгейского моря, расположенных в пределах видимости от берегов Турции).

«Европейское агентство пограничной и береговой охраны» (Фронтекс, *Frontex*) выявило восемь основных маршрутов проникновения нелегальных мигрантов на территорию ЕС: Западно-Африканский, Западно-Средиземноморский, Апулийско-Калабрийский, Центрально-Средиземноморский, круговой маршрут из Албании в Грецию, Западно-Балканский, Восточно-Средиземноморский, маршрут через восточную границу. Но учет миграций по Апулийско-Калабирйскому пути с октября 2014 года отдельно не осуществляется, данные по нему включаются в состав сведений по Центрально-Средиземноморскому маршруту, так что фактически маршрутов семь (рис.).

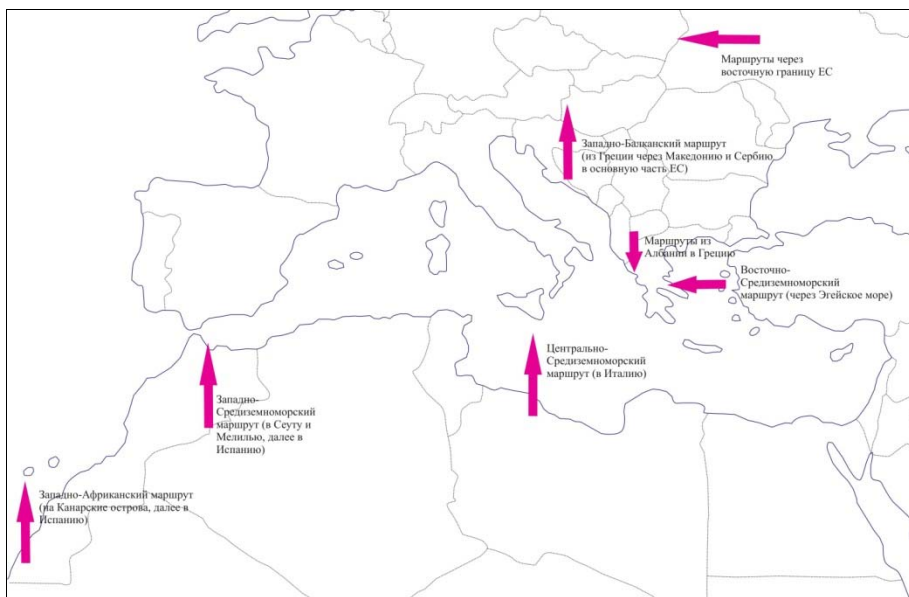

Рис. Основные маршруты проникновения нелегальных мигрантов в Евросоюз (по: [24])

Сведения об использовании этих маршрутов за 2015—2016 годы представлены в таблице.

**Численность нелегальных иммигрантов,
прибывших в пределы Евросоюза (по данным Фронтэкс)**

Маршрут	Численность нелегальных мигрантов, чел.		
	2006	2015	2016
Западно-Африканский	31 600	874	473 (январь — сентябрь)
Западно-Средиземноморский	6500 ¹	7164	6090 (январь — сентябрь)
Центрально-Средиземноморский	39 800 ¹	153 946	127 599 (январь — сентябрь)
Круговой маршрут из Албании в Грецию	42 000	8932	3054 (январь — август)
Западно-Балканский	3090 ²	764 038	121 712 (январь — сентябрь)
Восточно-Средиземноморский	52 300 ¹	885 386	172 982 (январь — сентябрь)
Маршрут через восточную границу	Нет сведений	Нет сведений	853 (январь — август)

Составлено по: [24].

Однако в сущности самостоятельного Западно-Балканского маршрута не существует. Часть западно-балканских стран уже входит в состав ЕС, а для жителей большинства других государств нет необходимости нелегально въезжать в его пределы, поскольку они имеют право безвизового въезда в пределы Шенгенской зоны (на сегодня визы для въезда в Шенген из всех жителей Западных Балкан требуется лишь жителям так называемой Республики Косово, незаконно отделившейся от Сербии). Западно-Балканский маршрут в его нынешнем виде представляет собой прямое продолжение Восточно-Средиземноморского маршрута, но часть беженцев, пересекших границу ЕС в Греции, теряется где-то в пути до другой его границы в Словении, Хорватии или Венгрии.

Иногда утверждается, что «в 2015 году... эксперты стали фиксировать значительное увеличение потока нелегальных иммигрантов по всем основным маршрутам» [5, с. 79]. Но как видно из таблицы, это не совсем так. При росте общей численности иммигрантов меняется соотношение маршрутов.

Не всегда можно объяснить, с чем связан рост «популярности» того или иного маршрута проникновения нелегальных мигрантов в пределы Евросоюза. По Западно-Африканскому маршруту (конечная точка в пределах ЕС — Канарские острова) мигрируют в основном жители

¹ 2008 год.

² 2009 год.

Гвинеи, Кот д'Ивуара, Камеруна и других западно-африканских стран. Экономическая, социальная, военная ситуация в Западной Африке в сравнении с 2006 годом кардинальных изменений не претерпела — это был и есть беднейший регион современного мира. Но поток мигрантов по этому направлению снизился примерно в 40 раз. Немногим менее пяти раз составило сокращение объема нелегальных мигрантов из Албании в Грецию, при этом уровень жизни в Албании по-прежнему существенно уступает аналогичному показателю даже самых бедных стран ЕС, а никаких причин, кроме экономических, для миграций из Албании не было и нет. Восточно-Средиземноморский маршрут, по которому сейчас идет основной поток беженцев, не является новым: в 2008 году через него прошло больше 50 тыс. чел. Скачкообразное увеличение потока через него обычно связывается с гражданской войной в Сирии, но эта война идет с 2011 года.

Нелегальные иммигранты из Сирии действительно занимают первое место по общему числу следующих по этому маршруту, но вслед за ними идут беженцы из Афганистана, где внутренние столкновения, осложняющиеся внешним вмешательством, продолжаются по крайней мере с 70-х годов XX века, и Ирака, который находится в состоянии внутренней смуты со времен свержения Саддама Хусейна в 2003 году. Очевидно, что нелегальные мигранты проникают в пределы Евросоюза в поисках лучшей жизни, но что именно вдруг приводит в движение десятки и сотни тысяч человек, и они отправляются в сопряженное со множеством рисков путешествие с неизвестным концом, понять можно не всегда. Точно также не всегда понятно, что останавливает эти потоки. Статистика нелегальной миграции в ЕС показывает и резкий рост, и столь же резкое снижение численности мигрантов по разным направлениям.

Видимо, ключевое значение в данном случае приобретают современные средства информации и коммуникации (социальные сети, мобильная связь). По уровню развития современных сетей связи «бедные» страны мира немногим уступают «богатым»: и сотовые телефоны, и доступ к Интернету, в том числе и мобильный, в странах Ближнего и Среднего Востока, дающих основной поток нелегальных мигрантов в настоящее время, давно уже не роскошь, а повседневность. Это наглядно видно по вереницам лавок, торгующих «мобильниками», компьютерами и прочей современной электронной техникой на улицах городов этой части мира. Общество в странах Востока подвержено информационным воздействиям не меньше, чем общество постиндустриальных стран. Коммуникационные технологии развиваются опережающими темпами по сравнению с традиционными видами экономической деятельности, и уровень их развития совершенно не соответствует уровню развития производительных сил этих государств. Соответственно, можно предполагать, что миграционные потоки в значительной мере формируются «модой» на миграцию, которая как появляется, так и исчезает. Однако эта проблема требует более глубоких исследований.

Можно считать, что всего в 2015 году внешние границы Евросоюза пересекли примерно 1,1 млн нелегальных мигрантов. Здесь нет никакого противоречия с данными, приводимыми в таблице. Согласно этим сведениям, всего пограничная и береговая охрана Евросоюза («Фронтэкс») учла примерно 1,8 млн нелегальных мигрантов. Легальными пересечениями границы «Фронтэкс» не занимается, это дело пограничных служб соответствующих государства. Но значительная часть из них учитывалась дважды — при пересечении внешней границы ЕС в Эгейском море (граница между Турцией и Грецией, Восточно-Средиземноморский маршрут) и при пересечении границ Шенгенской зоны на Балканском полуострове (Западно-Балканский маршрут). Обе границы, как уже говорилось выше, пересекали одни и те же люди, именно поэтому общее количество нелегальных мигрантов ниже, чем дает суммирование данных таблицы, на численность перешедших в пределы ЕС по Западно-Балканскому маршруту.

Размещение мигрантов по территории ЕС

В масштабе всего ЕС с его полумиллиардным населением это не слишком много. Часто высказываемые утверждения о том, что этот приток может существенно изменить демографическую ситуацию в Европе, способствуя ее исламизации, вряд ли оправданы. Так, например, численность турецкого по происхождению населения Германии сейчас составляет примерно 3 млн чел., при этом турецкое население ФРГ начало формироваться еще в 60-е годы XX века и представлено тремя или даже уже четырьмя поколениями. Однако одной из главных проблем турецкого населения Германии по сей день остается его слабая интегрированность в жизнь страны [2]. Другими словами, турецкое население Германии живет изолированно или по крайней мере полуизолированно от немецкого.

Во Франции доля мусульманского населения по состоянию на 2008 год составляла 8% населения в возрасте от 18 до 50 лет; по утверждению министра иностранных дел Франции, доля мусульман во Франции была от 8 до 10% [18]. Если это действительно так, то это примерно 6,5 млн чел. Во Франции, как и в Германии, мусульманское (преимущественно арабское) население крайне слабо смешивается с французским. В Великобритании доля мусульманского населения составляет 5,4% в Англии и Уэльсе и 1,5% в Шотландии [19].

Максимальная оценка численности мусульманского населения Евросоюза на 2012 год — 23 млн чел. [3]. Общую численность беженцев из мусульманских стран, прибывших в пределы ЕС за 2013—2015 годы, можно оценить в 2—2,5 млн чел. Даже с учетом этого общая численность мусульманского населения в странах ЕС составляет примерно 25 млн чел., это примерно 5% общей численности населения «единой Европы».

В Европейском союзе мусульманское население, включающее в свой состав как легальных, так и нелегальных мигрантов, предпочитает

концентрироваться в определенных кварталах, представляющих собой так называемые «ноу-гоу зоны» (англ. *No-Go zones*). Утверждается, что таких зон в Лондоне, Париже, Стокгольме и Берлине насчитывается 900, и они не контролируются государственными структурами, а живут по своим собственным законам [27]. Считается, что во Франции существуют десятки таких зон, «где полиция и жандармерия не могут установить порядок Республики или просто войти без риска противодействия, стрельбы или даже вооруженного противостояния» [22].

В связи с террористическими актами в Париже (13 ноября 2015 года) и Бельгии (22 марта 2015 года), а также в Ницце (14 июля 2016 года) широкую известность приобрела коммуна Моленбек [20], где доля выходцев из Африки составляла в 2015 году 37,1%. Растет доля африканского и азиатского населения в коммуне Гансхорен, входящей в Брюссельский столичный регион [9].

В том, что такие зоны вообще формируются, ничего необычного нет. Для всех крупных европейских городов характерен высокий уровень территориально-социальной дифференциации населения, т. е. деления города на «хорошие» и «плохие» районы. Следовательно, в любом крупном городе Европы есть чисто иммигрантские районы и районы местной бедноты, и районы, где концентрируется богатое и очень богатое население, а иммигранты и местные бедняки присутствуют только в качестве обслуживающего персонала. Районов, где проживает европейское по происхождению население, в том же Брюсселе значительно больше, чем районов с преобладанием иммигрантов из-за пределов Евросоюза. Более того, доля европейского населения бельгийской столицы в последние годы постоянно растет: с 59,3% в 2001 году до 69,7% в 2015 году [9]. При этом следует иметь в виду, что в Брюсселе находятся руководящие органы ЕС и НАТО, поэтому город в целом характеризуется очень высокой долей иностранцев.

Если же обозначать «зоны ноу-гоу» более привычными терминами, то это просто гетто, жители которых селятся туда безо всякого принуждения, совершенно добровольно. Мигранты прибывают из стран, для которых характерны совершенно иные ценности, чем для современных европейцев. Они, как и все мигранты во все времена и во всех частях света, пытаются держаться вместе, полагая, что так проще выжить в непривычном для них мире. Потребность в неквалифицированном или малоквалифицированном труде в странах ЕС сокращается, а там, где она остается, место иммигрантов из мусульманских стран занимают жители новых государств Евросоюза из Восточной Европы. Поляки, румыны, болгары в странах Западной Европы также имеют свойство формировать собственные этнические районы.

Безусловно, «ноу-гоу зоны» — рассадники криминала и даже терроризма. Однако предполагать, что их обитатели, составляющие примерно 5% населения ЕС, разбросанные в сотнях гетто (можно сказать мягче — резервациях), смогут «исламизировать» Европу, вряд ли стоит. Для мусульман, как и для христиан, ныне большее значение имеет этническая или государственная принадлежность, чем религиозная.

Мусульманский мир совершенно неоднороден, пример чему — продолжающиеся по состоянию на весну 2016 году гражданские войны в Сирии и Йемене, где одни мусульмане воюют с другими.

Прогнозы демографического развития и вероятность их реализации

Существуют прогнозы, согласно которым к 2050 году доля мусульман в населении Европейского союза составит 20%. Это находит широкое отображение в СМИ [11]. Но данные предположения основываются на линейной экстраполяции нынешних данных о естественном и механическом приросте населения Евросоюза и его мусульманского населения. Однако оба эти показателя неизбежно изменятся, в какую сторону — определенно сказать нельзя. В демографическом прогнозе, который мог быть составлен в 1980 году (35 лет назад, примерно столько же, сколько и сейчас остается до 2050 года) и отражал состояние численности населения стран Европейского экономического сообщества (ЕЭС) на 2015—2016 годы, скорее всего, мусульманам места было бы не уделено вообще, их доля в общей численности населения стран ЕЭС была крайне невелика.

Те прогнозы, которые давались в конце XX века, не реализовались. Как пишет М. А. Клупт о прогнозах 1999 года, «расхождения между прогнозными расчетами и реальностью в немалой степени обусловлены представлениями, господствовавшими всего полтора десятилетия назад. Важным элементом таких представлений был образ стареющей и вымирающей из-за низкой рождаемости Европы» [15, с. 58].

Нынешняя геодемографическая обстановка (пользуясь терминологией Г. М. Федорова, см.: [17]), изменилась так, как этого никто не мог предвидеть даже пятнадцать-двадцать лет назад. Крайняя переменчивость настроений и взглядов современного европейского общества отвергает возможность достоверного прогноза развития общества в любом направлении, включая демографическое. Долгосрочные прогнозы развития столь обширных и многолюдных территорий, как «единая Европа», фактически превращаются в гадания на кофейной гуще с тем же уровнем вероятности «прогнозируемых» событий.

К сторонникам идеи того, что хоть что-то в общественном развитии поддается прогнозированию, следует обратить вопрос: могут ли они привести хоть один пример оправдавшегося не то что долгосрочного, но даже и среднесрочного прогноза демографического, экономического, социального развития? Таких прогнозов просто не было, а их составление — просто «игра в цифры», не имеющая никакого реального результата. Всегда сбываются только прогнозы демографов ООН относительно численности населения Земли и ее крупных регионов, но следует иметь в виду, что демографы ООН как дают прогнозы, так и объявляют о том, что они исполнились, проверить же это никаким образом нельзя.

Однако на локальном и даже региональном уровне такой прогноз может дать более-менее достоверный результат. Локальные общности

населения формируются чаще всего исходя из уровня доходов и сходного социального статуса их жителей. В современном Евросоюзе это хорошо заметно. Соответственно, должно расти значение именно геодемографических исследований, в которых общество рассматривается вместе с географической средой своего обитания.

Осознание этого характерно для большинства представителей демографической науки. Так, один из наиболее известных российских демографов А. Г. Вишневецкий в статье «После демографического перехода: дивергенция, конвергенция или разнообразие» приходит к выводу о том, что «демографический переход — это в том числе и переход от одного типа пространственно-временного разнообразия демографических показателей к другому» [4, с. 128]. Но именно «пространственно-временное разнообразие» и представляет собой объект геодемографических исследований.

Однако та демографическая «мозаика», которая складывается в современном Евросоюзе разнородными процессами естественного и механического движения населения, движущие силы и мотивы которых можно, главным образом, угадывать, показывают, что время «универсальных теорий», якобы пригодных для всего мира и на все времена, в демографии прошло, так же, как и в других общественных науках. В соответствии с этим можно лишь согласиться с утверждением М. А. Клупта о том, что «парадигма однолинейного развития способствует продвижению в познании мира в тех случаях, когда рассматриваемые процессы или объединяющий их суммарный тренд однонаправлены. Для исследования причин разнонаправленности процессов, различий в развитии географических, социальных, культурных и других сегментов мира парадигмы однолинейного развития недостаточно» [13, с. 36]. Для того чтобы понимать, анализировать и прогнозировать процессы современного демографического развития Евросоюза, необходимо намного большее, чем сейчас, внимание уделять типологии геодемографических процессов, созданному на ее основе геодемографическому районированию и разработке моделей развития для каждого типа районов.

Выводы

Существует мнение о том, что особенности демографического развития стран Старого Света могут привести к сокращению их значения в современном мире. Так, по мнению Р. С. Гринберга, «и ЕС, и Россия — объективно уменьшающиеся величины в современном мире, где экономическая мощь стремительно перемещается на Восток. Главное, что и демография не в их пользу» [6, с. 8].

Однако вряд ли с этим мнением следует безоговорочно соглашаться. То, что миграционные потоки направляются в пределы ЕС, а не наоборот, уже свидетельствует о том, что уровень экономического и социального развития стран Евросоюза значительно превосходит аналогичный показатель окружающих его регионов мира. То же самое, хо-

тя и в меньшей мере, относится к России. До тех пор, пока жители большинства бывших республик СССР и даже никогда не входивших в его состав государств (например, Китая) будут стремиться в наши пределы на заработки, можно быть уверенным, что в пределах прогнозируемого будущего ни «Единая Европа», ни Россия не превратятся в «объективно уменьшающиеся величины».

Нынешний поток мигрантов и в ЕС, и в Россию очень велик, это несомненно. Но ничего катастрофического или необычного в этом потоке пока что нет, что хорошо видно на примере миграций в ЕС. Европа в большей мере, Россия в меньшей скорее приходят в «равновесное» состояние, в котором качественное и количественное (демографическое) развитие общества идут примерно одинаковыми темпами. Поэтому можно утверждать, что их значение в мире будет не сокращаться, а расти. Но следует учитывать то обстоятельство, что полумиллиардный Евросоюз нынешний «миграционный кризис» может лишь «встряхнуть», то для нашей страны, где живет немногим более 140 миллионов человек, происходящий сейчас приток мигрантов из азиатских республик бывшего Союза может иметь намного более серьезные последствия.

Список литературы

1. Балабейкина О. А., Мартынов В. Л. Лютеранство в Финляндии: историческая география и современность // Балтийский регион. 2015. №4. С. 150—161.
2. Большова Н. Германия: мигранты турецкого происхождения почти не вовлечены в политическую жизнь страны. URL: <http://old.mgimo.ru/news/experts/document240923.phtml> (дата обращения: 05.04.2016).
3. Вайнштейн Г. Будущее политики мультикультурализма в Европе // Россия и мусульманский мир. 2012. №1(235). С. 127—144.
4. Вишневский А. Г. После демографического перехода: дивергенция, конвергенция или разнообразие? // Общественные науки и современности. 2015. №2. С. 112—129.
5. Войников В. В. Правовые аспекты политики Европейского Союза по борьбе с нелегальной иммиграцией // Балтийский регион. 2015. №4. С. 73—89.
6. Гринберг Р. С. Кризис европейской интеграции: награда перед закатом? URL: <http://mirperemen.net/2012/10/krizis-evropejskoj-integracii-nagrada-pered-zakatom/> (дата обращения: 05.05.2016).
7. Дегусарова В. С., Мартынов В. Л., Сазонова И. Е. Геодемографическая обстановка в Чехии и Словакии в конце XX — начале XXI веков // Известия РГО. 2016. №2. С. 83—94.
8. Дегусарова В. С., Мартынов В. Л., Сазонова И. Е. Демографическое развитие Польши за годы ее членства в Евросоюзе // Известия РГО. 2015. Т. 147, №1. С. 77—86.
9. Елманова Д. С. Новейшие тенденции изменения этнической структуры населения Брюссельского столичного региона // Мозаика городских пространств: экономические, социальные, культурные и экологические процессы: сб. матер. Всероссийской научной конференции (Москва, МГУ, 27—29 ноября 2015 г.). М., 2015. С. 79—84.
10. Житин Д. В., Краснов А. И., Шендрик А. В. Миграционные связи Европы: пространственно-временные трансформации // Балтийский регион. 2016. Т. 8. №2. С. 101—124.

11. *Каждый* пятый житель Евросоюза к 2050 году будет мусульманином. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=308452> (дата обращения: 08.04.2016).
12. *Клунт М. А.* Иммигрантские меньшинства западных стран: геодемографическая динамика в 2000-е годы // *Известия Русского географического общества*. 2011. Т. 143, №6. С. 22—29.
13. *Клунт М. А.* Парадигмы и оппозиции современной демографии // *Демографическое обозрение*. 2014. №1 (1). С. 34—56.
14. *Клунт М. А.* Сдвиги в географической структуре мирового производства и международные миграции // *Известия Русского географического общества*. 2013. Т. 145, №5. С. 1—9.
15. *Клунт М. А.* Центр-периферийные отношения в Европе: демографический аспект // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. №2. С. 58—67.
16. *Федоров Г. М.* О комплексной многоуровневой типологии стран Европы // *Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов*. 2015. №1 (4). С. 67.
17. *Федоров Г. М.* Об актуальных направлениях геодемографических исследований в России // *Балтийский регион*. 2014. №2. С. 7—28.
18. *Bureau of Democracy, Human Rights and Labor.* International Religious Freedom Report for 2014. France. URL: <http://www.state.gov/j/drl/rls/irf/religiousfreedom/index.htm#wrapper> (дата обращения: 17.05.2016).
19. *Bureau of Democracy, Human Rights and Labor.* International Religious Freedom Report for 2014. United Kingdom. Режим доступа: <http://www.state.gov/j/drl/rls/irf/religiousfreedom/index.htm#wrapper> (дата обращения: 17.05.2016).
20. *Cendrowicz L.* Paris attacks: Visiting Molenbeek, the police no-go zone that was home to two of the gunmen // *Independent*. 2015—15 Nov.
21. *Demography Report.* Luxembourg: Publication Office of European Union, 2015.
22. *Kern S.* European 'No-Go' Zones: Fact or Fiction? Part 1: France. URL: <http://www.gatestoneinstitute.org/5128/france-no-go-zones> (дата обращения: 17.05.2016).
23. *Key figures on Europe: 2015 edition.* Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2015.
24. *Migratory routes map.* URL: <http://frontex.europa.eu/trends-and-routes/migratory-routes-map> (дата обращения: 04.11.2016).
25. *Population on 1 January.* URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tps00001&plugin=1> (дата обращения: 15.04.2016).
26. *Statistisches Jahrbuch 2015.* Wiesbaden: Statistisches Bundesamt, 2016.
27. *Węgrzy o 900 miejscach w Europie poza kontrolą państw. Imigranci przejmują miasta?* URL: <http://www.wprost.pl/ar/535039/Węgrzy-o-900-miejscach-w-Europie-pozza-kontrola-panstw-Imigranci-przejmujaja-miasta/> (дата обращения: 17.05.2016).

Об авторах

Василий Львович Мартынов, доктор географических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия.

E-mail: martin-vas@yandex.ru

Ирина Евгеньевна Сазонова, кандидат географических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия.

E-mail: iesazonova@mail.ru

Для цитирования:

Мартынов В.Л., Сазонова И.Е. Современные геодемографические проблемы Евросоюза и «миграционный кризис» 2010-х годов // Балтийский регион. Т. 9, № 1. С. 96—112. doi: 10.5922/2074-9848-2017-1-6.

CURRENT GEODEMOGRAPHIC PROBLEMS
IN THE EUROPEAN UNION AND MIGRATION CRISIS OF THE 2010s

V. L. Martynov *

I. E. Sazonova *

* *A. I. Herzen Russian State Pedagogical University
48 Moiki nab., Saint Petersburg, 191186, Russia*

Submitted on May 18, 2016

This article demonstrates the effect of the 2010s migration crisis has had on the demographic development of the European Union. Employing statistics and mapping, the study argues that the demographic development of EU states is not affected by either socioeconomic performance or religious, linguistic, and cultural characteristics. Migration inflow differs significantly by country and EU region. The authors analyse major irregular migration routes and show that their use cannot be always explained by using traditional demographic approaches. There is also a difference in the proportion of migrants by country, although settlement systems are very similar. Even with decades spent in the destination country, the Muslim population remains poorly integrated into the local community and its effect on the latter is insignificant (Turks in Germany). The demographic mosaic of the European Union is becoming increasingly fragmented, which makes any national level demographic forecasts inconsequential. However, community-level forecasts are possible and necessary. All this creates a need for geodemographic research.

Key words: migrant crisis, population, irregular migration routes, Muslim population of European Union, “no-go zones”, geodemography

References

1. Balabeykina, O., Martynov, V. 2015, Lutheranism in Finland: past and present, *Balt. Reg.*, no. 4 (26), p. 113—121. DOI: 10.5922/2079—8555—2015—4—9.
2. Bolshova, N. 2013, Germany: Turkish origin migrants are almost not involved in the political life of the country, *MGIMO University*, available at: <http://old.mgimo.ru/news/experts/document240923.phtml> (accessed 05.04.2016). (In Russ.)

3. Weinstein, G. 2012, Future policy of multiculturalism in Europe, *Rossiia i musul'manskii mir* [Russia and the Muslim world], no. 1(235), p. 127—144. (In Russ.)
4. Vishnevski, A. G. 2015, After the Demographic Transition: Divergence, Convergence or Diversity? *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], no. 2, p. 112—129. (In Russ.)
5. Voinikov, V. 2015, Legal aspects of the EU policy on irregular immigration, *Balt. Reg.*, no. 4, p. 55—65. DOI: 10/5922/2079—8555—2015—4—4.
6. Greenberg, R. S. 2012, The crisis of European integration: the award before sunset? *Mir peremen* [World change], no. 4, available at: <http://mirperemen.net/2012/10/krizis-evropejskoj-integracii-nagrada-pered-zakatom/> (accessed 05.05.2016). (In Russ.)
7. Degusarova, V. S., Martynov, V. L., Sazonova, I. E. 2016, Geo-demographic situation in the Czech Republic and Slovakia at the end of XX — beginning of XXI century, *Izvestiya Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [Regional Research of Russia], no. 2, p. 83—94. (In Russ.)
8. Degusarova, V. S., Martynov, V. L., Sazonova, I. E. 2015, Demographic development in Poland during the years of its membership in the European Union, *Izvestiya Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [Regional Research of Russia], Vol. 147, no. 1, p. 77—86. (In Russ.)
9. Yelmanova, D. S. 2015, The latest trends in the ethnic structure of the population of the Brussels-Capital Region, *Mozaika gorodskikh prostranstv: ekonomicheskie, sotsial'nye, kul'turnye i ekologicheskie protsessy* [Mosaic urban spaces: economic, social, cultural and ecological processes], Collected materials of All-Russian scientific conference, Moscow, MSU, 27—29 November 2015, p. 79 -84. (In Russ.)
10. Zhitin, D., Krasnov, A., Shendrik, A. 2016, Migration Flows in Europe: Space and Time Transformation, *Balt. Reg.*, Vol. 8, no. 2, p. 101—124. DOI: 10.5922/2079—8555—2016—2—6.
11. Every fifth inhabitant of the European Union in 2050 will be a Muslim, 2009, *Vesti. Ru*, available at: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=308452> (accessed 08.04.2016). (In Russ.)
12. Klupt, M. A. 2011, Immigrant minorities of Western countries: geo-demographic dynamics in the 2000s, *Izvestiya Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [Regional Research of Russia], Vol. 143, no. 6, p. 22—29. (In Russ.)
13. Klupt, M. A. 2014, Paradigms and modern demography opposition, *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review], Vol. 1, no. 1, p. 34—56. (In Russ.)
14. Klupt, M. A. 2013, Changes in the geographical structure of world production and international migration, *Izvestiya Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [Regional Research of Russia], Vol. 145, no. 5, p. 1—9. (In Russ.)
15. Klupt, M. A. 2015, The center-periphery relations in Europe: demographic aspect, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], no. 2, p. 58—67. (In Russ.)
16. Fedorov, G. M. 2015, A complex multi-level typology of European countries, *Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik Assotsiatsii rossiiskikh geografov-obshchestvovedov* [Socio-economic geography. Bulletin of Russian geographers, social scientists Association], no. 1 (4), p. 67. (In Russ.)
17. Fedorov, G. 2014, Current Issues in the Geodemographic Studies in Russia, *Balt. Reg.*, no. 2, p. 4—21. DOI: 10.5922/2079—8555—2014—2—1.
18. *International Religious Freedom Report for 2014. France*, 2014, Bureau of Democracy, Human Rights and Labor, available at: <http://www.state.gov/j/drl/rls/irf/religiousfreedom/index.htm#wrapper> (accessed 17.05.2016).

19. *International Religious Freedom Report for 2014. United Kingdom*, 2014, Bureau of Democracy, Human Rights and Labor, available at: <http://www.state.gov/j/drl/rls/irf/religiousfreedom/index.htm#wrapper> (accessed 17.05.2016).
20. Cendrowicz, L. 2015, Paris attacks: Visiting Molenbeek, the police no-go zone that was home to two of the gunmen, *Independent*, 15 Nov.
21. *Demography Report*, 2015, Luxembourg, Publication Office of European Union.
22. Kern, S. 2015, European 'No-Go' Zones: Fact or Fiction? Part 1: France, *Gatestone Institute*, available at: <http://www.gatestoneinstitute.org/5128/france-no-go-zones> (accessed 17.05.2016).
23. *Key figures on Europe: 2015 edition*, 2015, Luxembourg, Publications Office of the European Union, 20 p.
24. Migratory routes map, available at: <http://frontex.europa.eu/trends-and-routes/migratory-routes-map> (accessed 04.11.2016).
25. Population on 1 January, *Eurostat*, available at: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tps00001&plugin=1> (accessed 15.04.2016).
26. *Statistisches Jahrbuch 2015*, 2016, Wiesbaden: Statistisches Bundesamt, 34 p.
27. Wędry o 900 miejscach w Europie poza kontrolą państw. Imigranci przejmują miasta? 2016, *Wprost*, 01 April 2016, available at: <http://www.wprost.pl/ar/535039/Wegry-o-900-miejscach-w-Europie-pozza-kontrola-panstw-Imigranci-przejmuja-miasta/> (accessed 17.05.2016).

The authors

Prof. Vasily L. Martynov, Herzen State Pedagogical University, Russia.
E-mail: martin-vas@yandex.ru

Dr Irina E. Sazonova, Associate Professor, Herzen State Pedagogical University, Russia.
E-mail: iesazonova@mail.ru

To cite this article:

Martynov, V. L., Sazonova, I. E. 2017, Current Geodemographic Problems in the European Union and Migration Crisis of the 2010s, *Balt. reg.*, Vol. 9, no. 1, p. 96—112. doi: 10.5922/2074-9848-2017-1-6.